

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 82

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-1

Щербакова М. И.

РИФЫ ЮНОСТИ. ДОПОЛНЕНИЯ
К РАННЕЙ БИОГРАФИИ Н. Н. СТРХОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Поварская ул., 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация; info@imli.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные эпизоды ранней биографии Н. Н. Стрхова. На основании архивных документов дается характеристика событиям, повлиявшим на развитие его личности. Изложены новые факты о семейном окружении Стрхова, об отношениях внутри семьи – в том числе и конфликтных, трагических. Показано, что сверстники – Стрхов и Толстой – прежде чем в 1870 г. началось их творческое сотрудничество, прошли сходный путь на раннем этапе жизни.

Ключевые слова: Николай Стрхов; Белгород; биография; архивные источники; Нафанаил (Савченко); Л. Н. Толстой; Киевская духовная академия.

M. I. Shcherbakova

REEFS OF YOUTH. ADDITIONS TO THE EARLY BIOGRAPHY
OF NIKOLAI STRAKHOV

Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences, 25a
Povarskaya St., 121069, Moscow, Russian Federation; info@imli.ru

Abstract: The article describes some episodes from the early biography of Nikolai Strakhov. On the basis of archival documents, the author provides a description of events that have influenced the development of his personality. The article describes some new facts about the family of Strakhov, about relations within the family, including the conflict and tragic ones. It is shown that the peers – Strakhov and Tolstoy – before their creative collaboration in 1870 began, had gone a similar way in early life.

Key words: Nikolai Strakhov; Belgorod; biography; archival sources; Nathanael (Savchenko); Leo Tolstoy; Kiev Theological Academy.

Главные вехи биографии юноши Стрхова таковы. Родился в 1828 г. в Белгороде. После смерти отца в 1834 г. воспитание мальчика взял на себя его дядя по матери – иеромонах Нафанаил (Савченко), переведенный вскоре ректором семинарии в Кострому, где, начиная с 1839 г. (то есть с десяти лет), Стрхов

обучался на отделении риторики, а затем философии. В 1843 г., в сане архимандрита, о. Нафанаил был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Стрхов, чтобы продолжить образование сначала в Университете, а затем в Главном педагогическом институте.

Эта лапидарная справка вполне

может быть расширена на основании материалов из основных фондов Стрхова прежде всего, в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины в Киеве (в нем почти три тысячи единиц хранения), а также личных фондов Н. Н. Стрхова в Институте русского языка и литературы (Пушкинский Дом), Российском государственном архиве литературы и искусства, Российской национальной библиотеке.

Заслуживает внимания дневниковая запись Стрхова от 19 октября 1844 г.: «Чудеса, да и только. Недавно я помолодел одним годом. С декабря прошлого года я считал себе 16 полных лет: я считал годы от именин до именин, потому что не знал дня моего рождения. Приезжаю в Петербург, здесь нахожу мою тетеньку Катерину Ивановну. Однажды она стала удивляться тому, что я считаю себе шестнадцать лет, тогда как по ее расчетам мне только 15. Считали, рассчитывали, и вышло, что действительно, мне только 15 лет. Впрочем, я могу уже считать себе и 16, так как мое рождение было в октябре, по словам тетеньки. Но все же приятно сбросить с себя один лишний годок; я ужасно боюсь быть стариком»¹.

В справочной литературе утвердилось дата рождения Стрхова 16 октября; она же высечена на могильном памятнике. В материалах «К биографии Н. Н. Стрхова», составленных И. П. Матченко, биографом, издателем, близким родственником и наследником бумаг, обнаруживается поправка: 17 октября². С детских лет Стрхова, согласно православной традиции, отмечались его именины – 6 декабря ст. ст., когда Церковь празднует память свт. Николая Чудотворца. День и даже год своего рождения Стрхов уточнил позднее, о чем и свидетельствует дневниковая запись.

В истории отечественной словесности имя Стрхова накрепко связано с име-

нем Л. Н. Толстого. Они объединены многими скрепами, предыстория которых обнаруживается задолго до знакомства и первой встречи писателя и критика. Толстой был старше Стрхова на полтора месяца; как и Стрхов, осиротел в раннем детстве: его мать, Мария Николаевна, умерла в 1830 г.; отец, Николай Ильич, – в 1837 г., оставив детей на попечении тетушек, мало приспособленных к воспитанию детей. В Толстом нашли свое продолжение такие знатные русские фамилии, как Волконские, Трубецкие, Горчаковы, Щетинины, Чаадаевы, Ртищевы.

Родовые корни Стрхова находились в ином сословии; он образно обозначил их в черновом наброске «По праздникам»: «Я родился от русской крови. Мой отец – духовного звания, а духовные наши – коренные русские. Но мать моего отца была гречанка; но я родился от малороссиянки, которой дед был родовой казак, а мать – из польского семейства. Сколько разнообразности влияний!»³ Стрховы, Савченки, Липенские внесли свою лепту в историю православного Белгорода и шире – Русской Православной Церкви. Одно из первых мест в школе семейных ценностей занимало хорошее образование.

Отец Стрхова – Николай Петрович († не позднее 1834) – учился в 1818-1823 гг. на первом после обновления курсе Киевской духовной академии. Его однокурсником был Иван Алексеевич Борисов, будущий Иннокентий (1800-1857), архиепископ Херсонский и Таврический. По всеобщему признанию – и преподавателей, и студентов – имя Борисова во всех разрядных списках студентов следовало писать на первом месте, «потом оставить несколько мест незанятыми и только после этого писать лучшего из товарищей Борисова – Ставрова» [1, с. 1601]. Еще один однокурсник Н. П. Стрхова – Феодосий Иванович Радкевич (1798-1867), будущий

¹ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5268.

² ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5284.

³ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5277. Л. 15 об.

Поликарп, епископ Орловский и Севский. Он был настоятелем русской посольской церкви в Афинах, в годы Крымской войны – настоятелем Бахчисарайского Успенского скита, Балаклавского Георгиевского монастыря; Иннокентием (Борисовым) хиротонисан во епископа Одесского, викария Херсонской епархии; в 1857 г. был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Академические успехи Н. П. Стрехова были изрядными: он значится в числе 15 выпускников, окончивших Академию со степенью магистра богословия – 11-м в разрядном списке.

Родной дядя Н. Н. Стрехова по матери – Николай Иванович Савченко (1799–1875) – также был выпускником Киевской духовной академии. Он учился на втором курсе (1821–1825) и также получил степень магистра богословия – шестым в разрядном списке. Впоследствии, овдовев и приняв постриг с именем Нафанаил, он много и достойно потрудился на благо Русской Православной Церкви. Поочередно занимал должности: инспектора нескольких семинарий, в том числе и Костромской, куда ему привезли племянника. В 1843 г., уже в сане архимандрита, был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Стрехов, чтобы поступить в высшее учебное заведение. В последние годы жизни Нафанаил возглавлял кафедру Черниговскую и Нежинскую; был возведен в сан архиепископа.

«Другими лицами, к которым Н. Н. относился с уважением, и которые имели большое влияние на его воспитание, были: протоиерей Иоаким Илларионович Липенский, брат бабушки Н. Н-ча; протоиерей Иоанн Трофимович Савченко, дедушка Н. Н-ча по матери и его воспитанник. (Восприемницей Н. Н-ча была игуменья Белгородского девичьего монастыря Магдалина.), – свидетельствовал в материалах «К биографии Н. Н. Стрехова» И. П. Матченко. – Из посторонних же – “благодетельница” Анна

Ивановна Васькова и особенно о. Иоанн Сквивский, которого Н. Н. называет “любезнейшим учителем и благодетелем”»⁴.

Событием, во многом определившим судьбу Стрехова, стала ранняя смерть отца. Свои ощущения и состояния этих скорбных дней Стрехов помнил всю жизнь и описал в незавершенной автобиографической повести «Последний из идеалистов». Мария Ивановна Стрехова была слишком молода (24 года), чтобы самостоятельно поднять сыновей Петра, Николая, Павла и дочь Антонину. Для понимания определяющего значения ранних лет жизни Стрехова для его дальнейшей судьбы важно учитывать влияния ближнего круга, укорененного в Белгороде.

Первым справедливо назвать архиепископа Нафанаила (Савченко), родного дядю по матери. На его содержании и воспитании осиротевший мальчик оказался вскоре после смерти отца. Ему посвятил одно из ранних стихотворений «Христос воскрес», подписавшись: «облагодетельствованный вами племянник Н.С.». Как монах Нафанаил, судя по сохранившимся сведениям, был образцовый. Однако как воспитателю ему далеко не всё удавалось.

Ключевую роль в жизни юного Стрехова сыграла его ссора с Нафанаилом. Летом 1846 г., уже в Петербурге, пристрастившись к загородным прогулкам для сбора гербария и насекомых, Николай Стрехов однажды заночевал у приятеля, что вызвало гнев преосвященного, которому обо всем сообщил повар Николай. «Надобно вам сказать, – писал Стрехов о. Иоанну Сквивскому, – что этот Николай – пьяница и силач с атлетическими формами, физиологического темперамента, как говорит Курторга. Однажды он вздумал распорядиться моим табаком, и когда я запретил ему это, он, пьяный, вздумал говорить мне грубости. Тогда я сказал ему, что если он еще раз возьмет мой табак, то я ему рожу разо-

⁴ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5284. Л. 2об. - 3.

бью (студенческое выражение). Он замолчал и донес на меня не в том, что я курю (преосвященный давно это знает), но в том, что я не ночевал две ночи и грозил ему»⁵.

Чтобы смирить племянника, преосвященный велел ему на коленях просить прощения у повара Николая. Последовал отказ. «Потом преосвященный отдал следующее приказание, – сообщает Стрхов, – мне никуда не ходить; давать мне хлеб и воду; гонять моих товарищей, если они придут ко мне. <...> На четвертой неделе случились вещи гораздо невероятнее предыдущих. В одно прекрасное утро преосвященный позвал к себе Петю⁶ и чрез него предложил мне написать прошение об увольнении меня из университета с тем, чтобы отправить в Белгород»⁷. Далее выдвигался целый ряд условий.

«Неужели я обязан благодарить человека за кусок хлеба, тогда как он убивает во мне всю силу души, всю свободу воли и мышления? Человек, с самого малолетства находящийся под гнетом деспотизма, падает духом и телом; он – не живой человек, он становится существом странным, бесцветным, которое не имеет ни твердых правил, ни живости мысли, ни решимости воли, ни силы ума. Все это убито, уничтожено!»⁸

Врожденный темперамент, юношеский задор заметно подогрели конфликт.

С определенной долей вероятности к этому периоду – второй половине 1840-х гг. – можно отнести письмо из Киевского фонда Стрхова. Оно значит как письмо неизвестного к о. Нафанаилу⁹. Это черновик, край опален огнем. В письме много биографических подробностей частной жизни Николая Ивановича

Савченко. Главная тема – обвинение в бездушии, бессердечном отношении к родственникам, в частности, к воспитанникам-племянникам Стрховым. Почерк, стиль и манера изложения Н. Н. Стрхова.

«Не имеют ли они права сказать, что Вы больше им сделали зла, чем добра, что Вы, приняв их по необходимости, не наблюдали за ними, давили их своим деспотизмом и испортили, может быть, будущность обоих...»¹⁰

«Когда я увидел их обоих первый раз, они были так робки, так запуганы и неловки, что я удивился высокой нравственности, преподанной им Вами. И это останется на всю жизнь, не забудьте – Попечительный Воспитатель. Человек, вышедший из-под Ваших рук, никогда не будет иметь своей воли, никогда не будет иметь развязности и свободы – во всех своих действиях. Смелость мысли, сила души уничтожена навсегда! – не забывайте, как много значит – навсегда! Не забывайте, какое зло – подавить развитие человека! Еще младший Стрхов по живой натуре освобождается от влияния Вашего, но от старшего ничего нельзя надеяться. И в этом виноваты Вы, слышите ли, Вы!»¹¹

Родственник И. Ольшевский пытался загасить пламя ссоры. Он писал братьям Петру и Николаю Стрховым: «Милые мои дети, Петя и Николая! Вы молоды, неприятности должны испытать. Это еще начало того, что вас ожидает впереди – не бойтесь, *хуже будет*, но вы, научась терпеть, не заметите степени и переходов». И далее – отдельно Николаю о дяде: «... напротив, он слишком любит тебя и боится за тебя ужасно, чтоб *не развратили* тебя знакомые твои в душе невинной твоей. <...> твой дядя, сам ты видишь, последнюю копейку дает Вам. Ты скажешь, что теперь не столько у него расходов на Вас, а я в ответ: велики его издержки и теперь, а прежде? а еще

⁵ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18903.

⁶ Стрхов Петр Николаевич, старший брат Н. Н. Стрхова.

⁷ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18903.

⁸ Там же.

⁹ ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 26.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 7 об.

вперед! Терпи, казак, атаманом будешь. <...> Не рвись на волю, гляди, чтоб теперешняя *цель* не показалась после сахарным конфетом! Впрочем, если есть кондиция, хорошая, и ты будешь сам хорош всегда, не увлечешься примерами *соблазна*, ступай с Богом, и дядя на это ни слова»¹².

Видно, что противостояние отцов и детей, точнее – далеко не утратившего силу старшего поколения и незаметно повзрослевшего младшего, развернулось на педагогической почве. В младших хотят воспитать дух кротости, терпения и смирения, видя в этом, не без основания, залог благочестия. Так было всегда. А они, младшие, дерзко заявляют о своем собственном взгляде на жизнь. «Опыт – лучший учитель, но суровый, – предупреждал из Костромы своего подопечного о. Иоанн Скивский, – это лишь начало несчастий, которые каждый человек должен испытать в своей жизни. Сколько гениальных людей погибли от неводержности в молодые годы. Почему я вам и повторяю: не доверяйте самому себе. При настоящем положении вы более подвержены опасностям, чем в детстве... Как жаль, что я не с вами!»¹³ И дальше, как духовник, о том, что человек сам строит биографию души. «Но горе вам, если вы не победите ваши страсти в это время! Вы должны хорошо запечатлеть в вашем сердце ту великую истину, которой никто не оспаривал, что “от скромной молодости зависит долгая и здоровая старость”»¹⁴.

Летом 1846 г. о. Нафанаил отправил племянника в Белгород, предоставив право матери (своей сестре) решать судьбу сына. О переживаниях и решении Марии Ивановны 11 сентября писала Петру Стрехову в Петербург его белгородская родственница Мария Карпенко.

«Маменька твоя думает привезти Николю опять в университет, где он и был;

отчего тетеньке плохо жить, я не знаю, потому что я с ними была еще очень мало времени; но я знаю только то, что их очень огорчил приезд Николи и они очень сердились на тебя, отчего ты прежде не написал к ним, что дяденька на него так давно сердится и что Николя тебя не слушает, вот эти слова твоей маменьки; что они похудели, это тоже правда. Преосвященный прислал денег 175 рублей ассигнациями, но их получил дедушка, когда маменька уже выехали из Белгорода, и поэтому не знаю, мало или нет. Тетенька же, выезжая, заняли, но где и сколько, не знаю; вот тебе всё, что я знаю; что тетенька печальна и никогда не бывает весела, ты это сам увидишь, но отчего, я не успела узнать, потому что была с ними очень мало времени»¹⁵.

Еще раз заглянем в параллельно развивающуюся линию жизни Толстого. Казанский университет, ректором которого был в ту пору Лобачевский, числил Толстого в своих студенческих списках только три года (1844–1847), затем «взрослая» жизнь с кутежами, игрой, охотой, пока весной 1851 г. не выехал на Кавказ волонтером в русскую армию.

Материальное положение Стрехова было иным, скромнее был и размах, но чувство обретенной свободы опьяняло так же.

Из письма друга Федора Оранского Н. Н. Стрехову в Белгород 1 сентября 1846 г.: «Теперь же поговорим о брюках. Для успешного романирования непременно нужны черные брюки, они гораздо скорее привлекут ко мне взоры девушки; ты сам никогда не скидывал черных брюк, даже и тогда, когда ходил в нанковом сюртучке; мои же старые брюки и короткие, и узкие, и морщиноваты, и невольно возбуждают в нежном сердце отвращение и ужас. Итак, мой ангел, постарайся, как можно поскорее, переслать взятые тобою мои черные брюки. За фунт на почте берут не по пятиалтыннику, как я писал тебе в

¹² ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 19.

¹³ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18897.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 25.

предыдущем письме, а по гривеннику. Итак, мой друг, невелико пожертвование четырьмя гривенниками для друга, а между тем, сколько ты мне доставишь этим радостей, от скольких избавишь хлопот»¹⁶.

Из письма Н. Н. Стрехова от 8 августа 1849 г. ближайшему другу Ивану Алексеевичу Вышнеградскому (1831/1832–1895), впоследствии почетному члену Санкт-Петербургской Академии наук (1888), основателю научной школы по конструированию машин; в 1888–1892 – министру финансов: «Я думаю, тебя можно поздравить с маленькой бледностью в лице и с синевой под глазами? Меня ты не можешь с этим поздравить, но поздравь с гораздо лучшим: с открытием нравов, которых ни одна черта не встречалась ни тебе, ни мне, ни в каких физиологических и типических очерках, ни в каких нравоописательных и сатирических романах наших наблюдательных писателей, до сих пор смотрящих в ту сторону, куда посмотрел Гоголь. Но эти нравы очень резко мне напомнили «Лилые полусапожки», не знаю кого, «Мустанга» и другие романы Paul de Coq`a. Я тебе расскажу об них или еще лучше покажу. В четверг их будет две, и я очень жалею, что другая нехороша и нешаловлива, как Сусанна. Сусанна в четверг именинница. Кошелек мой пуст, я иду к Гёну и ворочусь вечером сюда. Да помогают тебе Амур, Купидон и Эрот!»¹⁷ Квартировал Стрехов тогда в доме Иванова, около Поцелуева моста в Петербурге.

1851 г. стал для Стрехова, как и для Толстого, рубежным. С серебряной медалью он закончил Педагогический институт. Золотую медаль никому не присудили; а вторую серебряную получил друг Вышнеградский.

Из письма к матери от 28 июня 1851 г.: «23 июня, когда раздали медали, было большое пирувань, хотя товарищ министра и уверял, что нам мало дали *путь*. Когда министр уехал, посадили

директора на стул и покачали; потом качали инспектора уже без стула, потом старшего надзирателя, причем, рассказывают, ему досталось немало толчков. От двух часов пополудни пировали до семи с криком, шумом, объятиями и слезами»¹⁸.

Дальше была служба во 2-й Одесской мужской гимназии учителем математики и физики и возвращение в Петербург за год до начала Крымской войны. Еще одно знаменательное сближение судеб: на севастопольские бастионы Толстой прибыл осенью 1854 г., подав прошение о своем переводе из Кишинева, где служил в штабе артиллерии Южной армии.

Поздней осенью 1851 г. в Одессу прибыл Нафанаил, в сане епископа Полтавского и Переяславского, о чем Н. Н. Стрехов узнал от знакомых. «Тогда я прицепил шпагу, надел шляпу и пошел к нему, – писал Стрехов матери. – Он принял меня очень ласково и дружески, сказал, что помнит свои обещания, что рад тому, что все хорошо кончилось, что прощает все прежнее. Он повеселел, помолодел, хвалил свое житье в Новгороде и радовался, что будет жить в Полтаве»¹⁹. Так завершилась семейная распря, в которой не оказалось ни победивших, ни побежденных. И вряд ли правомерны размышления о том, что было бы, если бы...

Начало 1850-х гг. ознаменовано как для Толстого, так и для Стрехова литературным дебютом – автобиографическими произведениями, в которых отразился опыт их молодой жизни.

Осенью 1850 г., как и Толстой в 1852 г., Стрехов послал в журнал «Современник» свою повесть «По утрам». Ее автобиографический характер несомненен. В письме к редактору молодой автор написал: «Вполне уверенный в высоком достоинстве этого сочинения и в тонкой пронизательности

¹⁶ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 17734.

¹⁷ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19191.

¹⁸ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19084.

¹⁹ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19083.

редакции, я не сомневаюсь в благосклонности ее суда. Особенно, если редакция, как мне бы весьма желательно было, будет смотреть на рукопись с высшей психологической точки зрения, как на проявление умственной и нравственной деятельности человека в данных обстоятельствах, в данный момент его жизни» [2, с. 85].

Надо отметить, что первое письмо Толстого к Некрасову звучало смиреннее и почтительнее. Видимо, сказывалась среда, воспитание, навыки светского общения.

Авторский замысел Стрхова заключался в том, чтобы сначала яркими красками изобразить «возмутительные пробуждения чувственности, смущавшей некогда холодные занятия» героя, а затем, после некоторой борьбы, торжество духа над телом. Увлечения молодости неизбежны, но они, как показано в повести, мимолетны и, главное, не могут заглушить духовные порывы. Герой отказывается от увлечений «без грусти и тоски» и старается «воспитать в себе строгость мысли и чувства, строгость, оскорбляемую этими воспоминаниями». «Не должно ли, – спрашивает он, – изменить всю деятельность нашу, от ее начала до конца, или, по-прежнему, есть, спать, грешить и, одним словом, делать всё то, что называется жизнь?»²⁰

Н.А. Некрасов, прочитав повесть, размашисто синим карандашом начертил на титульном листе: «В авторе есть талант, слог его также хорош, манера довольно оригинальна. Но напечатать этой повести нельзя – цензура найдет ее скандальной, безнравственной – и зарубит» [2, с. 86].

Хотя повесть и не была напечатана в «Современнике», ее замысел ясно обозначил начало пути, пройденного будущим критиком и философом до встречи

с Толстым, до «Войны и мира»; пути к пониманию, которое нашел Толстой в сердце Стрхова и которым так дорожил всю жизнь.

Литература

1. Георгий, иеромонах. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Таврические епархиальные ведомости. Часть неофиц. № 22, 15 ноября.

2. Назаревский, А. А. Пометы Некрасова на рукописи Н. Н. Стрхова // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53-54. С. 85-87.

References

1. George, hieromonk (1900). “Vysokopreosvyashchennyu Innokentiy, arkhieypiskop Khersonskiy i Tavricheskiy” [His Eminence Innocent, Archbishop of Kherson and Tauria], *Tavricheskiye yeparkhial'nyye vedomosti*, no. 22, November 15.

2. Nazarevsky, A. A. (1949) “Pomety Nekrasova na rukopisi N. N. Strakhova” [Litters of Nekrasov on the manuscript by N. N. Strakhov], *Literaturnoye nasledstvo*, vol. 53-54, Moskva: 85-87.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Щербакова Марина Ивановна, доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация; info@imli.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Marina I. Shcherbakova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Classical Literature Department, Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaia St., 121069, Moscow, Russian Federation; info@imli.ru

²⁰ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед. хр. 5285.